

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

РЕЗНИК Александр Валерьевич

Левая оппозиция в РКП(б) в 1923-1924 гг.

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

5 1700 2014

005549697

Санкт-Петербург
2014

Работа выполнена в НОУ ВПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге» и в Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге
Борис Иванович Колоницкий

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. М. А. Бонч-Бруевича **Владлен Семенович Измозик**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий России Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова **Гусев Алексей Викторович**.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».

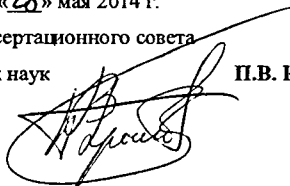
Защита состоится 1 июля 2014 г. в 16.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН и на сайте <http://www.spbiiran.lv.ru>.

Автореферат разослан «28» мая 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень изученности темы. Официальная историография истории внутрипартийной оппозиции базировалась на политической оценке хода и итогов внутрипартийной борьбы 1923-1924 гг., вынесенной победившей стороной. В силу неприкрытой ангажированности с 1924 года понятие «троцкизм» укоренилось как синоним оппозиции. В обзоре исследований по данному вопросу, составленном для «закрытого пользования» в 1977 году, констатировалось: «Теоретической основой для освещения борьбы Коммунистической партии против троцкизма являются труды В. И. Ленина, решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС, материалы конгрессов III Коммунистического Интернационала»¹. Цитированный фрагмент являлся шаблонным и полностью справедливым в отношении советской партийной историографии.

В период с 1924 по 1953 гг. в историографии тон задавали представители верхнего эшелона власти². Чутко реагируя на политическую повестку дня, проблематику развивали приближенные к власти публицисты³. Так, они представляли усугубление «винь» оппозиции 1923 года перед партией в том, что она составила костяк оппозиционного блока Троцкого, Зиновьева и Каменева в 1926-1927 годах⁴. Отражая эскалацию внутрипартийного конфликта, в 1927 году в энциклопедической статье «Троцкий» повторялась политическая оценка, согласно которой оппозиция сформировала «вторую троцкистскую партию»⁵. Как справедливо было отмечено в упомянутом «Обзоре», «первые работы советских историков, посвященные борьбе Коммунистической партии против троцкизма, появились во второй половине 20-х годов. Это были, как правило, небольшие брошюры, написанные для широких масс трудящихся. В них отсутствовал научный аппарат, слабой была источниковая база»⁶. Первые учебники по истории партии ограничивались сухим пересказом решений доминировавшей группы в руководстве партии⁷. Тенденциозность доминировала в отборе публикуемых документов⁸.

Последующая советская историография вопроса впитала очень многое из

¹ Носов А. П. Советские историки о борьбе против троцкизма: Научно-аналитический обзор. М., 1977. С. 4.

² См.: За ленинизм. М., 1925; Хрестоматия против троцкизма. Симферополь, 1925.

³ См.: Залуцкий П. А. О современном троцкизме. Л., 1925; Сорин В. Г. Партия и оппозиция. Из истории оппозиционных течений. М., 1925.

⁴ Ярославский Е. Новая оппозиция и троцкизм. Л., 1926.

⁵ Не вский В. Троцкий Л. Д. // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репр. воспр. Прил. к тт. 40 и 41 7-го изд. 1927 г. М., 1989. С. 724.

⁶ Носов А. П. Советские историки о борьбе против троцкизма... С. 13.

⁷ Попов Н. Н. Очерки истории РКП(б). М., 1926.

⁸ Дискуссия 1923 года. Документы и материалы / Ред. К. А. Попов. М., 1927.

«Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 год)⁹. Обязательным компонентом нового канона стала необходимость обоснования «трансформации троцкизма из идейного течения внутри партии в антисоветскую, контрреволюционную группу, в передовой отряд контрреволюционной буржуазии»¹⁰. Данный тезис не опровергался и после «десталинизации». Диссертации, защищавшиеся по этой теме (исключительно в рамках специальности «История КПСС»), сводились к пересказу решений руководства ВКП(б), украшенных ритуальными ссылками на архивы (подчас без указания фондов)¹¹.

Тем не менее, после решений XX съезда КПСС, в особенности с «разоблачением культа личности И. В. Сталина», обозначились и позитивные изменения. Автореферат одной из диссертаций начинался примечательными словами: «XX съезд КПСС со всей силой поставил вопрос о преодолении отставания научной разработки истории Коммунистической партии. Особенно недостаточно разрабатывалась история внутривнутрипартийной борьбы...»¹². С наступлением «Оттепели» критика «троцкизма» оставалась важной идеологической практикой. Но в то же время с расширением доступности партийных архивов появились первые специальные исследования истории «борьбы с троцкизмом», конкретно-исторические исследования, сфокусированные на конкретных регионах или парторганизациях, вводились в оборот новые факты¹³. Факты не могли не фильтроваться в соответствии с главным критерием – соответствию партийной точке зрения. Как можно судить по двум авторефератам кандидатских диссертаций, защищавшихся в одном и том же году, различия могли состоять в объеме использованного архивного материала, но не в методах и выводах, которые были

⁹ Это признавалось официальными историографами КПСС даже в последние годы советской власти. См.: Историография истории КПСС в период восстановления и развития народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1982. С. 23.

¹⁰ Носов А. П. Советские историки о борьбе против троцкизма... С. 22. В этом русле А. П. Носовым отмечается как «научная» статья известного партийного публициста Сорина (Сорин В. Г. Дискуссия 1923-1924 гг. // Пролетарская революция. 1936. № 7. С. 11-60).

¹¹ См. Гилева Е. И. Борьба Коммунистической партии за единство своих рядов в период между XII и XIII съездами (апрель 1923 – май 1924 гг.). Автореф. диссер. ... канд. ист. наук. М., 1953.

¹² Матвеев М. В. Борьба Коммунистической партии с троцкистской оппозицией за организационные принципы ленинизма в период XIII партийной конференции. Автореф. диссер. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956. С. 1.

¹³ Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969; Вяткин А. Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920-1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966; Дмитренко С. Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976; Климов Ю. Н. Борьба большевиков Северо-Западной области против троцкизма в 1923-1924 гг. // Борьба Коммунистической партии против правого и «левого» оппортунизма (1909-1930). Межвуз. тем. сборн. Калинин, 1978. С. 92-113; Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом. 1921-1929 гг. М., 1969; Мельников В. П. Областные бюро ЦК РКП(б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций. (1920-1925 гг.) М., 1981; Примеров Е. В. Борьба партии за ленинское единство своих рядов (1921-1924). Львов, 1979.

однообразны¹⁴.

В 1953 году филиалы Института Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина при ЦК КПСС и некоторые партийные архивы развернули работу по подготовке очерков и монографий по истории местных партийных организаций¹⁵. Работа над этими новыми «очерками» и «историями» велась, однако, по единому шаблону, восходящему к «Краткому курсу», более того, внутрипартийная борьба 1923–1924 годов могла быть вовсе не упомянута. В лапидарной форме они отражали тенденциозность, замалчивание или прямую фальсификацию исторических фактов¹⁶. Тон задавали авторы, смешавшие акцент на идеологическую схоластику, построенную вокруг теоретических авторитетов¹⁷.

События рубежа 1987–1988 годов – начало Перестройки в СССР, политика гласности, политическая реабилитация Н. И. Бухарина и большинства репрессированных большевиков, корректировка взглядов ключевых советских историков – положили начало более внимательному анализу внутрипартийных оппозиций. Этот сюжет широко известен; применительно к нашей теме важен факт появления статей в журналах правящей партии¹⁸. Достаточно сказать, что в 1989 г. В. И. Старцев нарушил негласный запрет на публикацию биографических очерков деятельности Л. Д. Троцкого, а не «истории борьбы с троцкизмом»¹⁹. В среде профессиональных историков все более смело переосмыслились основные подходы к изучению оппозиции²⁰. Стало возможным появление исследований с минимумом идеолого-политического груза²¹.

¹⁴ Тараненко Г. А. Борьба московской партийной организации за укрепление единства и сплочения партийных рядов в период между X и XIII съездами РКП(б). Авторефер. диссер. ... канд. ист. наук. М., 1969; Мезенов В. В. Борьба Коммунистической партии против троцкизма (осень 1923 г. – январь 1925 г.). Авторефер. диссер. ... канд. ист. наук. М., 1969.

¹⁵ Работа над очерками по истории местных партийных организаций // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 177.

¹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970.

¹⁷ Сламихин Н. А. Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917–1924 гг.). М., 1977.

¹⁸ См. например: Козлов А. За фасадом дискуссий 1923–1924 гг. // Коммунист. 1990. № 3; Киридон П. В., Шевчук В. П. К вопросу о внутрипартийной демократии 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 9.

¹⁹ Старцев В. И. Троцкий Л. Д. Страницы политической биографии. Л., 1989.

²⁰ Например, один из ленинградских историков писал в своем автореферате ранее неммыслимое: «В результате определенной переоценки многих событий истории партии... сделанной после октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, стала явно прослеживаться тенденциозность в освещении борьбы партии с троцкизмом. Это нашло свое отражение в том, что многие годы в оценке деятельности Л. Д. Троцкого проводились взгляды и высказывания В. И. Ленина, сделанные совсем в другое время и применительно к другим событиям» (Табашский А. Д. Партийная печать Дальнего Востока в борьбе против троцкизма в 1922–1928 гг. Авторефер. диссер. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 1). Еще более смело высказался историк В. В. Долгов: «Стало чуть ли не правилом вести доказательство путем подмены реальной мысли Л. Д. Троцкого системой исторических символов, используя одну-две фразы его о молодежи, как авангарде поколений коммунистических революционеров. Упускается, что Л. Д. Троцкий с товарищами тоже искал новые, не изведенные еще никем пути строительство новой жизни <...> Ныне ясно, что в глатформах оппозиции были не только ошибочные положения, но и дельная критика бюрократизма, назначенства в комсомоле...» (Долгов В. В. Проблемы единства комсомола во внутрипартийной борьбе 20-х годов. М., 1989. С. 5, 7).

²¹ См. например: Шаралов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нзпу: Мелкобуржуазный революционаризм — опасность «слева». 1920–1923. М., 1990; Суслов А. Б. Борьба

Точка зрения «победителей», будучи отражением политической оценки событий 1923-24 гг., не исчезла полностью и после краха КПСС, она сохранилась в разных формах и по сей день. Однако современная историография внутрипартийной борьбы избавлена от государственной «поддержки» той или иной трактовки исторических событий.

Точка зрения проигравшей стороны, возможно, была впервые выражена свидетелем внутрипартийной борьбы – одним из лидеров Французской коммунистической партии Борисом Сувариним в предисловии к французскому изданию брошюры Л. Д. Троцкого «Новый курс». 21 мая 1924 года по предложению Г. Е. Зиновьева русский перевод этого текста переслали всем членам ЦК и ЦКК, но в СССР он не публиковался²². Текст Суварина интересен замечаниями о методах конструирования образа Оппозиции её оппонентами²³. Гораздо более важный вклад в становление «троцкистской» историографии оказал Макс Истман. В 1925 году в нескольких странах публикуется книга-сенсация «После смерти Ленина». Американский публицист был приближен к руководящим кругам Коммунистического интернационала и большевистской партии. В своей книге он привел более обширные выдержки из «Завещания» В. И. Ленина, чем это сделал ранее меньшевистский «Социалистический вестник». Внимание Истмана было сфокусировано на борьбе в верхах и личности Троцкого, а понятие оппозиции либо не употребляется, либо ставится в кавычки как ярлык оппонентов²⁴.

Тактика Троцкого была подвергнута дружественной критике уже Истменом, но лишь Исаак Дойчер показал причины неудачи оппозиционных вождей на фоне внутрипартийной борьбы. В 1930-е годы Дойчер являлся активным участником троцкистского движения в Польше, но вскоре отошел от него и прославился биографической трилогией «Разоруженный пророк», вторая часть которой была особенно интересна тем, что в ней были впервые использованы отдельные материалы архива Троцкого, хранящиеся в США²⁵. Прямые последователи Троцкого, теоретики разных течений IV («троцкистского») интернационала, неоднократно обращались к истории Левой оппозиции, анализировали те или иные аспекты программы и деятельности ее

Уральских организаций РКП(б) с мелкобуржуазными группами и течениями в 1919-1927 гг. Диссер. ... канд. ист. наук. Пермь, 1989.

²² Предисловие Б. Суварина к французскому изданию брошюры Троцкого «Новый курс» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 475. Л. 19.

²³ В 1935 году отрекшийся от коммунизма Суварин стал генеральным секретарем Международного института социальной истории и опубликовал книгу «Сталин: Исторический обзор большевизма» (возможно, первая масштабная политическая биография Сталина): Souvarine B. Stalin. Aperçu historique du bolchévisme. Paris, 1935.

²⁴ Eastman M. Since Lenin Died. New York, 1925.

²⁵ Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921-1929. London, 1959.

лидеров²⁶. Их исследования, однако, по степени влияния на «непартийную» историографию сильно уступали Дойчеру.

Западная «советология» в лице «тоталитаристской» школы акцентировала отсутствие альтернативы «коммунистическому режиму» со стороны оппозиции. Историки-«тоталитаристы» обращались к наиболее негативным, с точки зрения либеральной идеологии, аспектам деятельности Троцкого²⁷. Идеологические установки обусловили низкий исследовательский интерес к истории внутрипартийной оппозиции, хотя влияние «тоталитаристской» школы, в особенности на отечественных историков в 1990-е годы, трудно переоценить.

Попытки взвешенного анализа оппозиции предпринимались западными историками еще до открытия советских архивов. Одним из пионеров в исследовании советской политической истории выступил Эдвард Карр, бывший дипломат в СССР. Его многотомная «История Советской России» (1950-1978) стала одним из источников вдохновения для историков-«ревизионистов», искавших третий путь между советской и «тоталитаристской» историографией. Карр, творчески развивавший традиционную политическую историю, продемонстрировал возможность оригинального и непредвзятого анализа советской истории на основе всех доступных опубликованных источников. В книге «Междоцарствие» период 1923-1924 годов был выделен Карром как самостоятельный, скрупулезно изучены многие проблемы внутрипартийной борьбы²⁸.

Вскоре появляется объемная работа Ричарда Дэниэлса «Совесть революции», посвященная всем основным оппозициям, существовавшим в большевистской партии. В отличие от Карра американский историк проявил больше интереса к концептуальной стороне политической борьбы. Оппозиция 1923 года была обозначена им как «ультралевая»²⁹. Автором на основе русскоязычных источников и литературы были реконструированы все спектры оппозиционных групп³⁰.

Карр и Дэниэлс оказали большое влияние на современную историографию, однако, не только «тоталитаристы», но и «ревизионисты» не выходили за рамки исследования

²⁶ См. например: Broue P. *The Political Struggles in Russia (1921-1929)*. London, 1987; Cliff T. *Trotsky*. Vol. 3. *Fighting the Rising Stalinist Bureaucracy 1923-1927*. London, 1991; Mandel E. *Trotsky as Alternative*. London, 1995. Лишь П. Бруэ является профессиональным историком.

²⁷ См. книгу патриарха «тоталитаристов» Ричарда Пайпса, впервые опубликованную в 1954 году: Pipes R. *The Formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism, 1917-1923*. Cambridge, 1997.

²⁸ Саг Е. Н. *The Interregnum: 1923-1924*. London, 1954.

²⁹ Дэниэлс исходил из гипотезы, что партия была изначально «дуалистична», и что победа «реализма» (в виде «ленинизма») над оппозиционным «идеализмом» вела прямо к сталинизму.

³⁰ Daniels R. V. *Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia*. Cambridge, 1960.

борьбы за лидерство и власть в «верхах» партии³¹.

Оппозиционность «низов» осталась малоисследованной. Одним из исключений служит статья Д. Хинкса, в которой доказывается, что реальный уровень поддержки оппозиции в Москве был выше, чем о том писали в «Правде»³². С началом «архивной революции» в СССР западные историки получили доступ к ранее недоступной партийной документации. По мнению С. Пирани, использовавшего архивы для более широкого исследования парторганизации Москвы, поражение оппозиции связано с ее оторванностью от рабочих масс. Рабочие, утверждает историк, были политически «экспропрированы» (лишены власти) партийной бюрократией – «новым правящим классом», решающая победа которого произошла в 1924 году с разгромом оппозиции³³.

И. Халфин предпринял попытку сократить разрыв между исследованием «верхов» и «низов». Новаторское исследование процесса «демонизации оппозиции», выполненное посредством дискурсо-анализа политического языка дискуссий (в т. ч. на основе архивных документов), при всех своих многочисленных достоинствах, имеет недостаток: оппозиционеры рассматриваются как объект, а не субъект деятельности, который, в свою очередь, предстает преимущественно дискурсивной, а не практической. Для автора подчас важнее «риторические игры» в ходе дискуссий, чем их практическая функция³⁴. Опуская сюжеты собственно политической борьбы, Халфин не только детально реконструировал риторику внутрипартийной борьбы, но и внес наибольший вклад в понимание ее эволюции и основных понятий, таких как «единство» и «фракционность».

С 1991 года и в постсоветской России появляется все больше трудов, критически переосмысляющих предшествующий историографический опыт. На короткий промежуток времени внутрипартийная борьба раннего советского общества оказалась востребованной читателями. Оставаясь на привычных сюжетных линиях предшествовавшей историографии (часто это были бывшие историки КПСС и их ученики), авторы стремились переосмыслить те или иные вопросы внутрипартийной борьбы³⁵. Все дальше

³¹ В наиболее известной книге «сталинистского» направления в центр внимания поставлена идеология: Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917-1991. М., 2002. В трудах «ревизионистов» акцентируются в основном социально-культурные аспекты: Fitzpatrick S. The Russian Revolution. New York, 1994; Siegelbaum L. H. Soviet State and Society Between Revolutions, 1918-1929. Cambridge, 1992.

³² Hincks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. № 1. P. 137-152.

³³ Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. London, 2008 (Русс. перевод: Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013).

³⁴ Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918-1928. Pittsburgh, 2007.

³⁵ См. например: Швецов В. В. Дискуссия в РКП(б) 1923 года. М., 1992; Ивченко Ю. Ф. Политические дискуссии 1923-1924 гг. (историографический аспект) // Политические дискуссии в 20-е годы. Сборник научных трудов. М., 1992. С. 61-84; Мельников В. П. Политические дискуссии 20-х годов и их эволюция //

отрываясь от дискредитируемых «марксистско-ленинских» шаблонов и схем, и активно используя архивы, историки окинули свежим взглядом традиционные сюжеты борьбы в верхах партии³⁶. В монографии А. Ф. Поташева был дан взвешенный анализ историографии внутрипартийной борьбы³⁷. Его книга отразила состояние историографии начала 1990-х, увлеченной «большими» вопросами истории («Кто был прав», «исток тоталитаризма» и т.д.), ответы на которые зачастую искались как в предшествующей, так и в современной публицистике.

Социолог В. З. Роговин предпринял концептуальную реконструкцию историилевой оппозиции как «троцкистского» международного движения, сторонником которого он являлся³⁸. Масштабное историческое полотно историка-троцкиста, считающегося в левых кругах своего рода «ликбезом», было написано в духе партийной и традиционной политической истории, при отсутствии новых фактов и идей.

Социально-экономические вопросы внутрипартийной борьбы получили новое освещение в ряде исследований³⁹. По справедливому замечанию К. Блэка, «типичные нарративы» об исследуемых событиях посвящаются, как правило, либо экономическим проблемам, либо борьбе за власть, вопреки необходимости их синтеза. Действительно, несмотря на довольно глубокое погружение Карра в оба вопроса, указанная научная проблема до сих пор ждет своего решения. Не вступая в полемику с Карром, Блэк отдал приоритет экономическому аспекту, вольно или невольно возвышая прагматические соображения сторонников ЦК над интересами борьбы за власть⁴⁰.

Расширению представлений об оппозиции способствовали исследования внутрипартийной борьбы в регионах. Так, Г. Л. Олех и В. В. Демидов в своих монографиях представили широкую панораму политических дискуссий вокруг «внутрипартийной демократии», проиллюстрировав период 1923-1924 годов примерами

Там же. С. 3-34; Самофалов Н. М. Политическая дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг. и партийная молодежь: последствия и уроки. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1992.

³⁶ Так, была предпринята попытка рассмотреть внутрипартийные отношения в русле «противостояния» И. В. Сталина и Н. К. Крупской (Куманев В. А., Куликова И. С. Противостояние: Крупская-Сталин. М., 1994) К сожалению, дискуссия 1923-24 гг. было затронута поверхностно.

³⁷ Поташев А. Ф. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Уроки идейной борьбы внутри правящей партии. (Историография вопроса). Ростов н/Д., 1992. Рецензентами книги стали ранее бескомпромиссные борцы с «троцкизмом» на фронте истории КПСС – В. М. Иванов и Н. А. Васецкий.

³⁸ Роговин В. З. Была ли альтернатива?: Троцкизм: взгляд через годы. М., 1992.

³⁹ Орлов И. Б. Социально-экономические аспекты внутрипартийной дискуссии 1923-1924 годов. М., 1994; Россия взповская. М., 2002.

⁴⁰ Black C. *Legitimacy, Succession, and the Concentration of Industry: Trotsky and the Crisis of 1923 Re-Examined* // *Russian History/Histoire Russe*. 2000. Vol. 27, № 4. P. 397-416.

парторганизаций Сибири⁴¹. В. М. Кружинов сконцентрировался на «политических конфликтах» внутри партии на материалах Урала⁴². Работы Кружинова, Олеха и Демидова – одни из самых детальных и масштабных региональных исследований.

В центре внимания О. Г. Назарова и С. А. Павлюченкова – традиционные сюжеты циничной борьбы за власть в «верхах», активность партийных функционеров на фоне безвластных рядовых членов партии⁴³. Для С. А. Павлюченкова характерно социологизировать противоборствующие силы: «бюрократическая ведомственность» олицетворяется Троцким, «клановость» Зиновьевым, а «номенклатурщию» Сталин во главе аппарата ЦК выполнял общегосударственные задачи. Нельзя не отметить, что Павлюченков, опираясь на документы архива ЦК и подчас заимствуя его риторику и оценки, следует традиции советской историографии подбирать факты под заранее известные выводы.

Приходится констатировать, что даже в большинстве профессионально-исторических исследований ощущается нехватка конкретных фактов⁴⁴. Основное внимание приковано к элитам, новые гипотезы слабо аргументируются: так, В. А. Сахаров сконструировал идею, что предсмертные негативные отзывы Ленина о Сталине – это фальсификация, выгодная Троцкому⁴⁵. Следуя в русле традиционных сюжетов (например, роли печати), авторы диссертационных исследований не выходят за уровень дискриптивности⁴⁶.

Личности отдельных оппозиционеров изначально удостаивались лишь кратких эпизодов, в основном – в эпоху политической реабилитации рубежа 1980-1990 годов⁴⁷. Исключение составила фигура лидера оппозиции – Л. Д. Троцкого, которому посвящены

⁴¹ Демидов В. В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г.-декабрь 1929 г.). Новосибирск, 1997; Олех Г. Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992.

⁴² В обзоре литературы В. М. Кружинов справедливо указал на необходимость дальнейшего осмысления целого ряда проблем, среди которых «механизмы взаимодействия власти и оппозиции в провинции, соотношение объективных и субъективных факторов в развитии политических конфликтов в специфических условиях отдельных регионов» (Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 23)

⁴³ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2000; Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917-1929 гг. М., 2008.

⁴⁴ Насеник Н. Г. Внутрипартийная борьба 20-х годов и поражение оппозиции. Минск, 1997. С. 35-58; Шубин А. В. Вожди и заговорщики: Политическая борьба в СССР в 1920-1930-х годах. М., 2004.

⁴⁵ Сахаров В. А. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003. Конспирологическая версия происхождения «завещания...», выдвинутая преподавателем МГУ, не нашла сколь бы то ни было весомой поддержки специалистов.

⁴⁶ Азаренко В. М. Большевистская печать как инструмент внутрипартийной борьбы (1920-1928 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2008; Гафнер В. А. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

⁴⁷ См. например: Горинов М. М., Цакунов С. В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. № 2, 1992; Донков И. П., Полещук Н. С. Судьба большевика // Они не молчали. М., 1991. С. 86-101.

многие биографии, наиболее известные из которых были остро критическими⁴⁸. Но даже такие профессиональные историки, специалисты по истории большевизма, как Р. Сервис и Г. И. Чернявский (в соавторстве с Ю. Г. Фельштинским), делали поверхностные, предвзятые и подчас прямо ошибочные выводы, самые важные из которых будут рассмотрены автором в ходе диссертационного исследования⁴⁹.

Итак, внимание большинства исследователей сфокусировано на трех аспектах истории оппозиции. В первую очередь, приоритет отдается изучению программных документов. Централистское устройство партийной и государственной систем повлияло и на исследовательский «центроцентризм», когда основное внимание сосредотачивается на борьбе столичных политических элит как первоочередном и решающем факторе. Наконец, «троцкоцентризм» явился выражением повышенного внимания к «великим личностям», влияющим на политику и сознание людей: так, Левая оппозиция «считывается» с документов и деятельности её наиболее известного лидера.

Актуальность исследования. В рамках указанных исследовательских подходов уже сделано достаточно много: в первую очередь, выявлены все основные документы, освещающие важнейшие события внутрипартийной борьбы. Происходит определенная переоценка роли политических лидеров, углубляются знания о локальных (региональных, национальных) особенностях политических процессов, переосмысляются проблемы соотношения идеологии и «реальной» политики. В то же время лишь в работе И. Халфина дается принципиально новая попытка написать историю внутрипартийной оппозиционности на основе актуальных современных теорий (в первую очередь, дискурс-анализа М. Фуко), которые позволяют выйти за узкие рамки истории «борьбы за власть» или «классовой борьбы». Но даже в амбициозном исследовании И. Халфина оппозиция рассматривается преимущественно как объект, а не субъект действий. Постановка вопроса об оппозиции как альтернативе сталинизму перестала быть актуальной, и проблематика современных исследований оппозиции, как отмечалось ранее, крайне узка.

Расширение источниковой базы и современные подходы к изучению политической истории позволяют восполнить пробелы в исследовании оппозиции как сложного, внутренне неоднородного и противоречивого феномена, не сводимого лишь к фигурам Л. Д. Троцкого или событиям в Москве, политическому прагматизму «борьбы за власть» или идеологическим постулатам. Таким образом, научная актуальность исследования

⁴⁸ См. например: Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992; Волкогонов Д. А. Троцкий: Политический портрет. Кн. 2. М., 1992.

⁴⁹ Чернявский Г. И. Лев Троцкий. М., 2010; Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Книга Третья: Оппозиционер? 1923-1929 гг. М., 2013; Service R. Trotsky: A Biography. Cambridge, 2009.

состоит в рассмотрении истории оппозиции как политической общности с определенной политической программой и стратегией действий, и как многообразия локальных политических практик, в равной мере оказывавших влияние на исход внутривнутрипартийного противостояния.

Объектом исследования является процесс политической борьбы в Российской коммунистической партии (большевиков) в 1923-1924 гг. Предметом исследования определена внутривнутрипартийная оппозиция как одна из сторон внутривнутрипартийной борьбы.

Методологические основы диссертационного исследования. Концептуальные вопросы, привлекающие внимание в рамках заявленной переоценки оппозиции, ближе всего к антропологическим подходам в политической истории. Родственным направлением предстает «новая политическая история», отличающаяся особым вниманием к символическим аспектам власти, повседневности, неформальным властным отношениям. Автор стремится исследовать внутривнутрипартийную борьбу, учитывая конкретный политический контекст, в которых действовали участники событий, их язык и производимые ими смыслы, ориентируясь на подход «истории снизу» (или «истории низов»), среди основателей которого «новый социальный» историк Э. П. Томпсон⁵⁰.

Особое внимание в исследовании направлено на политические практики. По удачной формулировке П. Холквиста, «политические практики – это меры, применяемые политическими движениями для достижения своих идеологических целей, наряду с образами поведения и претензиями на власть – осознанными и неосознанными, – которые лежат в основе этих практик»⁵¹. Практики, таким образом, предстают наиболее адекватным понятием для анализа совокупности приемов и техник (технологий) политической борьбы.

Для анализа разнообразия форм двусторонних политических взаимоотношений используется понятие «политической коммуникации» (Ю. Хабермас и др.). Как справедливо отметила У. Фреверт, «политика состоит не только из речевой деятельности, которая сообщает информацию, интересы, послания, иногда также приказы; она состоит также и в большей мере из усилий определять, контролировать и ограничивать область выбора, внутри которой эти речевые действия воспринимают, наделяют смыслом и дают

⁵⁰ Исследовательским манифестом марксистского историка стала книга о формировании рабочего класса в Англии в XVIII-XIX вв., в котором «классовое сознание» рабочих было показано не как статическая «структура», а как обусловленный динамичным культурным и социальным контекстом «процесс» работы над собой, опыта самих исторических субъектов (Thompson E. P. *The Making of the English Working Class*. London, 1963).

⁵¹ Холквист П. Как казаки стали «контрреволюционными»: антисоветское восстание на Дону в апреле-мае 1918 г. // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004. С. 98. Важно и то, что «изучение практик требует своего рода погружения, которое возможно только при локальном исследовании» (Там же. С. 99).

на них ответ»⁵².

В работе также используется метод кейс-стади, т.е. детальное изучение конкретного случая, позволяющее, дополнить и уточнить общие выводы. Таким образом, помимо традиционных методов исторического исследования (и во многом на их основании), будут использованы междисциплинарные подходы антропологически ориентированной политической истории.

Цель работы – изучить оппозицию во внутрипартийной борьбе 1923-1924 годов в РКП(б) во многообразии её проявлений. В первую очередь, это касается соотношения оппозиции «верхов» и оппозиции «низов», т.е. узкого и широкого понимания оппозиции. Переосмысление истории оппозиции позволит ответить на вопрос о соотношении демократических и авторитарных элементов в политике пореволюционной России.

Этим определяются задачи исследования:

- 1) Изучить состав оппозиции, её программные заявления, особенности политической культуры её представителей.
- 2) Выявить тактики конструирования идентичности оппозиции, или её политического лица, всеми сторонами политического противостояния.
- 3) Исследовать практики использования образа, «авторитета» Л. Д. Троцкого как политического инструмента во внутрипартийной борьбе.
- 4) Рассмотреть поведение оппозиционеров в ситуации конфликта в контексте «партийного права» и деятельности контрольных органов партии.
- 5) Выявить такие практики политической коммуникации, как распространение документов и слухов, использовавшихся обеими сторонами для ведения борьбы вне рамок «партийного права».
- 6) Изучить «внутрипартийную демократию» в аспекте борьбы за большинство голосов на собраниях, а также репрезентацию успехов оппозиции, что позволит понять, как масштабы поддержки оппозиции, так и практики конструирования её образа в средствах массовой информации.
- 7) Рассмотреть локальные особенности оппозиционной деятельности на примере Пермской окружной партийной организации, в которой умеренная оппозиция формально получила высокую поддержку, и Хамовнического района Москвы, единственного после поражения оппозиции в целом, руководящие органы которого возглавили оппозиционеры.

⁵² Frevert U. Neue Politikgeschichte // Kompass der Geschichtswissenschaft. Ein Handbuch. Göttingen, 2006. S. 159.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые, на обширном архивном материале, дается комплексный анализ внутрипартийной оппозиции одновременно как группы партийных лидеров и как многообразия индивидуальных выступлений в поддержку оппозиции. Таким образом, преодолевается разрыв в исследовании традиционных сюжетов «борьбы за власть» в «верхах» партии и политической активности в «низах» партии. Впервые анализируется кампания, инициированная Л.Д. Троцким по вопросам «нового быта», предшествовавшая политической борьбе. В работе дается детальный анализ оппозиции в провинциальном центре (Перми) и оппозиции у власти в Хамовническом районе Москвы.

Хронологические рамки. Для исследования выбраны 1923-1924 годы: от предпосылок внутрипартийной борьбы в верхах партии и общепартийной дискуссии осени-зимы до поражения оппозиции на XIII конференции и XIII съезде РКП(б).

Источники. Состояние исследования оппозиции в большой степени связано с источниковой базой. Множество важнейших материалов, извлеченных из архивов, было опубликовано в сборнике документов «РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923». Основанная на документах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) книга даст широкое представление о предыстории, основных событиях и, отчасти, об итогах противостояния в верхних эшелонах партии⁵³. Сборник особенно интересен письмами, заявлениями и стенограммами выступлений партийных лидеров⁵⁴. Но также введение, равно как и многочисленные детальные комментарии к документам составителя сборника В. П. Вилковой представляют ценный вклад в изучение вопроса⁵⁵. К недостаткам стоит отнести слабый охват региональных пространств политических событий.

Исследуемому периоду истории партии была свойственна относительно свободная атмосфера, при которой подчас поощрялись дискуссионные выступления в печати и на собраниях. В этой связи традиционно важными и надежными источниками, отражавшими позиции сторон в наиболее ясно сформулированном виде, являются стенографические

⁵³ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. Характерно, что ранняя версия данного сборника была опубликована в США (The Struggle for Power. New York, 1996). Период 1924 года представлен лишь в виде подборки документов по чистке советских и вузовских ячеек («Атмосфера, создававшаяся за последнее время в партии, чрезвычайно тягостная»). Чистка в РКП(б) 1924 года // Исторический архив. 2008. № 2. С. 130-176).

⁵⁴ См. также переписку, вошедшую в другой сборник: Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. М., 1996.

⁵⁵ Вилкова В. П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба... С. 5-26.

отчеты, стенограммы и протоколы конференций и съездов партии⁵⁶.

Не менее важным источником является партийная периодика. Особую роль в ходе внутрипартийной борьбы сыграл центральный печатный орган партии – газета «Правда», служившая основной трибуной общепартийной дискуссии с 7 ноября 1923 г. по январь 1924 г. Несмотря на то, что газета на определенном этапе внутрипартийной борьбы перестала выполнять роль площадки для дискуссий, превратившись в рупор фракции большинства, публикуемые в ней материалы объективно отражали происходившие события. Это косвенно подтверждается тем, что аппарат ЦК для формирования полноценной информационной картины событий (обзоры для внутреннего пользования) использовал материалы, публикуемые в газете⁵⁷.

Среди источников личного происхождения особе место занимают воспоминания Л. Д. Троцкого «Моя жизнь»⁵⁸. Книга содержит яркие зарисовки важнейших исторических событий, отдельных деталей и эпизодов, но деятельность оппозиционеров в 1923-1924 годы практически в них не отражена. Троцкий избегает говорить о событиях, в которых потерпел поражение. Кроме того, многие лидеры Оппозиции 1923 года к 1930 году перестали быть союзниками Троцкого. Но и когда все они были репрессированы, Троцкий не обращался к деталям «технологии» внутрипартийной борьбы 1923-1924 годов.

Немного словны и мемуары писателя Виктора Сержа, длительное время принадлежавшего к оппозиции⁵⁹. Известны воспоминания переживших сталинский террор оппозиционеров, бывших в 1923-1924 гг. студентами, но не входивших тогда в число активистов⁶⁰. Не были склонны раскрывать детали внутрипартийной борьбы 1923-1924 гг. и приверженцы Сталина⁶¹.

Существенный интерес представляют воспоминания Бориса Бажанова. В 1923 году он, молодой партийный функционер, был техническим секретарем Политбюро и личным секретарем Сталина. Сбежав за границу в 1928 году, и заявив о своем антикоммунизме,

⁵⁶ Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года: Стеногр. отчет. М., 1963; Двенадцатый съезд РКП (б). 17-25 апреля 1923 года: Стеногр. отчет. М., 1968; Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924.

⁵⁷ Сведения о ходе дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии в парторганизациях по 8-е января 1924 г. (включит.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 559.

⁵⁸ Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1990.

⁵⁹ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001.

⁶⁰ Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды. Т. 1: Воспоминания. М., 2004; Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол. Воспоминания. М., 2005; Павлов И. М. 1920-е: Революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001; Baitalskii M. Notebooks for the grandchildren: recollections of a Trotskyist who survived the Stalin terror. Atlantic Highlands, 1995.

⁶¹ Андреев А. А. Воспоминания, письма. М., 1985; Каганович Л. М. Памятные записки. М., 2003; Микоян А. И. В начале двадцатых... М., 1975.

Бажанов начал активно публиковаться⁶². Многие из приводимых им фактов являлись своего рода сенсациями, которые не всегда могут быть проверены на достоверность, что заставляет использовать их более чем осторожно.

Для переосмысления истории оппозиции наиболее важны архивные источники. Документы фондов Центрального комитета РКП(б) и крупнейших политических деятелей, хранящиеся в РГАСПИ, содержат многие факты, не укладывающиеся в узкие представления о «троцкизме», «верхушечной оппозиции» и т. д. Это, в первую очередь, комплекс делопроизводственной документации: резолюции, выписки из протоколов собраний, обзоры и сводки о ходе дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии. Так, описи 33, 84 и 86 содержат документы Бюро Секретариата ЦК: секретная переписка с руководством компартий союзных республик, обкомами и губкомами партии. Наряду с этим в дела описи вошли информационные материалы с мест (т.е. информационные письма секретарей), а также обзоры, характеристики, составленные Информационным отделом ЦК. 11 опись («Организационно-инструкторский отдел») содержит ряд дел, которые специально подбирались фракцией Сталина, Зиновьева и Камнева во время внутрипартийной борьбы и при подготовке к конференциям и съезду РКП(б) в 1924 году. Например, дела 203 и 204, содержащие многочисленные протоколы собраний и письма секретарей, имеют говорящие заголовки «Материалы дискуссии о партийном строительстве». Следовательно, активно партаппарат работал над формированием архива уже в процессе внутрипартийной борьбы. Ситуация в армейских партийных организациях, немало беспокоившая правящую в ЦК группу, нашла свое отражение в сводках Политического управления Революционного военного совета республики (ПУР РВСР), некоторые из которых были озаглавлены «Материалы о партийной дискуссии в Красной Армии». Из них доступны экземпляры с пометками И. В. Сталина, выделявшего наиболее неприемлемые, с его точки зрения, факты внутрипартийной дискуссии в армии⁶³.

Были изучены направленные экземпляры стенограмм речей оппозиционеров на январской конференции РКП(б), а также заявления, предложения и записки, поданные в ее президиум⁶⁴. Аналогичные материалы были просмотрены по XIII партийному съезду⁶⁵. Этот комплекс документов интересен в первую очередь стенографическими записями выступлений до их редакторской правки, но в целом они не противоречат опубликованным в советское время протоколам и материалам.

⁶² Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб, 1992.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 477.

⁶⁴ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 4, 11.

⁶⁵ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7, 57.

Большое внимание было уделено фондам губернских и районных комитетов Москвы и Петрограда (Ленинграда), а также отдельным ячейкам этих партийных организаций, например, Народных комиссариатов внешней торговли, просвещения, иностранных дел, финансов, Коммунистического университета им. Свердлова, 1-го МГУ, Государственного института медицинских знаний и др.⁶⁶. По сравнению с ячейками заводов и фабрик, события в них более детально документировались в протоколах, не только по причине более высокого уровня грамотности, в силу более интенсивного, чем в провинции, хода внутрипартийных дискуссий.

Из материалов Центральной контрольной комиссии, деятельность которой была направлена против оппозиции, были рассмотрены протоколы Центральной проверочной комиссии и партколлегии ЦКК, служивших высшей инстанцией «партийного суда»⁶⁷. Также были изучены фонды московской губернской, петроградских (ленинградских) губернских и районных, екатеринбургской (свердловской) окружной и уральской краевой контрольных комиссий⁶⁸. В архиве ЦКК была выявлена брошюра секретного хранения «Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б)» 12-13 января 1924 года, которая позволяет судить о том, какие «проступки» оппозиционеров служили главными аргументами для её осуждения⁶⁹.

Были изучены фонды Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ), в которых отложились протоколы собраний и «закрытые письма» секретарей⁷⁰. Как и в большинстве региональных партархивов, документы личного происхождения встречаются крайне редко, что объясняется не только спецификой раннесоветского архивирования и дефицитом бумаги, но и небольшим уровнем письменной рефлексии по поводу исследуемых событий.

К сожалению, исследователям не доступен фонд газеты «Правда», находящейся в обработке. Статьи, заметки и письма в ежедневную массовую «Рабочую газету» (орган ЦК РКП(б) с 1922 года), отложившиеся в РГАСПИ, практически не затрагивают тематику внутрипартийной борьбы изучаемого периода⁷¹.

Не столь богаты материалы личных архивных фондов. Так, подавляющее число

⁶⁶ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 3-П, 63-П, 67-П, 69-П, 80-П, 85-П, 88-П; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4, 6, 7, 9, 16, 80, 131, 984, 1850, 7354.

⁶⁷ Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 4, 6-8.

⁶⁸ ЦАОПИМ. Ф. 2867. Оп. 1-3; ЦГАИПД СПб. Ф. 431, 433, 563, 568, 1059; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 48. Оп. 1; Ф. 424. Оп. 1.

⁶⁹ Стенографический отчет Пленума ЦКК РКП(б). М., 1924 // РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 21.

⁷⁰ ПермГАНИ. Ф. 2, 90, 557, 579, 620, 1095, 1109.

⁷¹ Там же. Ф. 610. Оп. 1. Д. 47-49, 372. Письма, отражающие ход внутрипартийной борьбы, могли быть изъяты.

писем И. В. Сталину, отложившихся в делах фонда ЦК и личном фонде Сталина, касаются внутрипартийной борьбы более позднего периода⁷². Несомненный интерес представляют пометки Сталина в брошюре Троцкого «Новый курс»⁷³. Важны документы, хранящиеся в фонде Л. Б. Каменева: помимо переписки и официальных документов, это стенограммы московских районных партконференций⁷⁴. Материалы из фондов других оппозиционеров (Зиновьева, Радека) касаются преимущественно более позднего периода.

Большой интерес представляют документы, выявленные в Российском государственном военном архиве, в первую очередь, письма и заявления на адрес Л. Д. Троцкого, отложившиеся в фондах Управления делами Народного комиссариата обороны и Революционного военного совета республики⁷⁵. Хотя лишь некоторые из них касались непосредственной политической борьбы (среди них письма поддержки, резолюции собраний), очень многие проливают свет на деятельность Троцкого в свете общественного мнения, в частности, на реакцию партийной и непартийной публики на кампанию по вопросам «нового быта», здоровья Троцкого и его осуждения большинством партии.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области политической истории России XX века, истории социалистических и коммунистических движений, а также при подготовке учебных пособий, учебников и курсов лекций по указанной тематике.

Апробация. Текст диссертации обсуждался на диссертационных семинарах факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2010-2012 гг. Выступления по теме диссертации состоялись на ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» в Санкт-Петербурге в 2009-2012 гг., научном симпозиуме «Пути России. Историзация социального опыта» в Москве 4-5 февраля 2011 г., международном научном семинаре «Culture, Society and Memory: The Challenges of Historical and Sociological Research on Russia, Germany and the US» в Билефельде 12-14 мая 2012 г., международной конференции BASEES Study Group of the Russian Revolution в Норвиче 4-6 января 2013 г., и на других научных мероприятиях в России и за рубежом.

⁷² Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 856, 859-861; Там же. Оп. 85. Д. 529; Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 713, 716-718, 754, 781 и др.

⁷³ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1577.

⁷⁴ Там же. Ф. 323. Оп. Д. 32-38.

⁷⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 15-19, 40, 42-45, 48-49; Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 126, 562, 569, Оп. 2. 255, 259.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **введении** выявляется степень исследованности темы, обоснование актуальности диссертационного исследования, определяются методологические основы, цель и задачи, объект и предмет исследования, уточняются его хронологические рамки, содержится обзор источников.

Целью **первой главы** является реконструкция общего хода внутрипартийной борьбы в верхах партии, контекста, в рамках которого могут быть рассмотрены конкретные проблемы. Для этого выявляются причины, этапы и результаты борьбы. Особое внимание уделено программе и деятельности оппозиционеров, в первую очередь – ее лидеров, сосредоточенных в Москве, особенностям их политической культуры.

В **первом параграфе** определяются основные политические и социально-экономические предпосылки внутрипартийной борьбы. Большевизм как направление в социал-демократии и как организационно-политическая структура претерпел существенную эволюцию за годы революции и гражданской войны, но оставался внутренне неоднородным и чреватым конфликтом. Относительно активная внутрипартийная жизнь с принятием НЭПа в 1921 году стала испытывать усиление авторитарных тенденций, одним важнейших проявлений которых стало усиление власти партийного аппарата под руководством И. В. Сталина и его сторонников. Выступления противников этой тенденции были безуспешны. Подверглись репрессиям сторонники двух «антипартийных» групп, активизировавшие свою деятельность в условиях беспрецедентного экономического кризиса и роста социальных конфликтов.

Во **втором параграфе** уделяется внимание традиционному сюжету историографии истории КПСС – началу борьбы в ЦК РКП(б) в сентябре-октябре 1923 г. Первые документы оппозиции (письма Троцкого и «Заявление сорока шести») предстают не столько в качестве обвинений, сколько в качестве проекта реформирования партии. В пользу этого говорит содержание «Заявления». Его подписантов объединило не только общее фракционное прошлое (выявить которое позволяет анализ очередности фамилий), но и общее понимание необходимости разрешить кризис, несмотря на отсутствие полного единодушия относительно его причин. Оппозиция изначально представляла гетерогенной, о чем красноречиво говорят примечания к коллективному заявлению, личные заявления ее сторонников и, в особенности, результаты голосований за резолюцию Преображенского на Октябрьском пленуме ЦК и ЦКК РКП(б). Рассмотрение состава «петиционеров»

позволяет скорректировать распространенное в историографии утверждение о том, что оппозиция была представлена исключительно крупными чиновниками, а также сделать вывод, что инициатива коллективного оппозиционного выступления принадлежала «троцкистам». В риторике и прагматике выступлений оппозиции доминировало стремление не дать своим оппонентам оснований для обвинения во «фракционности».

В третьем параграфе обрисовано расширение пространства политической борьбы. 7 ноября 1923 г. Зиновьев открыл в «Правде» дискуссию о внутривнутрипартийном положении. В результате этой дискуссии выявились оппозиционные настроения «низов» партии, в том числе и на первых состоявшихся дискуссионных собраниях в Москве. В то время как Преображенский и, в особенности, Сапронов открыто ставил вопрос о неправильности линии ЦК, статьи Троцкого на фоне других лидеров оппозиции отличались наибольшей умеренностью.

В четвертом параграфе анализируется ожесточение внутривнутрипартийной борьбы. Оно наступило после того, как в начале декабря партийным руководством был провозглашен «новый курс» на «демократизацию» внутривнутрипартийной жизни. В предшествующей историографии не акцентировалось внимание на своеобразном договоре о признании «различных тенденций», т.е. несогласия между Троцким и остальными членами Политбюро. В «договоре» Троцкий не только де факто солидаризовался с «Заявлением сорока шести», но и указал на своё право выступать в печати, сославшись на нарушения партийных постановлений Сталиным. Опубликовав статью «Новый курс» Троцкий поставил ряд острых вопросов (о поколениях в партии, о возможности перерождения «старой гвардии» и др.), не менее острая реакция на которую привела к крайнему ожесточению дискуссии. Важно и то, что публикация «Нового курса» совпала с важнейшим собранием московского партийного актива, на котором Преображенский открыто призвал к легализации «идейных группировок». Оппозиция и лично Троцкий стали объектами масштабной целенаправленной дискредитации. Возможности всех оппозиционеров, кроме Троцкого, публиковать статьи в «Правде» резко ограничились. Глава Политического управления армии В. А. Антонов-Овсенко, протестуя против обвинений в создании «фракционного штаба», продемонстрировал свободомыслие перед лицом партийного руководства, но также гетерогенность оппозиции, принадлежность к которой Антонов-Овсенко отрицал.

В пятом параграфе анализируется поведение оппозиционеров на момент поражения. К началу московской губернской партконференции 10 января стало очевидно, что число делегатов на последующей общепартийной конференции от оппозиции будет ничтожно. На пленумах ЦКК 12-13 января и ЦК 14-15 января, когда верхи обсуждали

проект итогового осуждения левых, оппозиционеры ограничивались безуспешными протестами, в первую очередь, против курса на организационный «разгром» оппозиции. Общепартийная конференция 16-18 января примечательна, в первую очередь, откровенным нежеланием сторонников ЦК расследовать утверждение Сталина о создании оппозиционерами «фракционного центра».

Вторая глава посвящена технологиям и стилю оппозиционной деятельности.

В первом параграфе рассматривается кампания за «новый быт», инициированная Л. Д. Троцким за несколько месяцев до начала внутривнутрипартийной борьбы. Обращение Троцкого к советской общественности по вопросам культурной политики хоть и не привело к широкомасштабной дискуссии, но позволило будущему вождю оппозиции увеличить свою популярность, в первую очередь, среди «красной» молодёжи. Противники Троцкого в Политбюро, упрекнув его за излишнее внимание к этим вопросам, не имели повода или желания вступать в дискуссии. Одновременно они нанесли удар по его ближайшим сторонникам, требовавшим всестороннего обсуждения вопроса о возвращении государственной монополии на водку. Как показывает переписка и материалы прессы, в политическую коммуникацию в основном были вовлечены «низь», а не «верхи». Последние же не всегда относились к выступлению Троцкого также негативно, как впоследствии во время внутривнутрипартийной борьбы. Централизованная кампания вокруг «Германского Октября» затмила вопросы быта, но Троцкий успешно произвёл «разведку» пространства политической дискуссии и укрепил свой авторитет.

Во втором параграфе рассматривается использование образа Троцкого в ходе внутривнутрипартийной борьбы. В ходе дискуссий не только образ Ленина, но и образ Троцкого активно использовался всеми сторонами конфликта (это облегчалось тем, что Ленин был парализован, а Троцкий, в силу болезни, выступал только в печати). Резкая критика в адрес Троцкого спровоцировала отдельную форму выражения оппозиционности – в защиту «вождя» партии. Защищая его, оппозиционерам, особенно в политически неблагоприятных условиях провинции, было легче узаконить свой протест. По их логике, дискредитация Троцкого вела к дискредитации партии. И наоборот, сторонники ЦК, были вынуждены уверять массы в своём «дружественном» отношении к Троцкому, в том числе для того, чтобы отделить его от более радикальных оппозиционеров. В итоге глава военного наркомата, подозревавшийся в бонапартизме, не получил большой поддержки даже в военных парторганизациях. Дальнейшее политическое падение Троцкого облегчалось общепризнанным отношением к политическим авторитетам вождей как к коллективному завоеванию партии, поэтому партия могла «забрать авторитет», лишив вождя символической власти.

Третий параграф посвящен практикам идентификации оппозиции. К 1923 году понятие «оппозиция» в политическом языке большевиков имела негативную коннотацию, поэтому оппозиционеры, в полном соответствии со своей организационной неоднородностью, прибегали к разным тактикам самоименования. Чаще всего они имели дело с навязываемым им термином «оппозиция», поэтому они либо заявляли, что «истинная оппозиция» представлена сторонниками ЦК, либо игнорировали этот вопрос. Реже встречалось принятие именованного «оппозицией» и попытки обосновать её принципиальную необходимость как «доброкачественной оппозиции» (Преображенский). Единичными были факты самоопределения оппозиционеров как «инакомыслящих» или «левых коммунистов». Для политической ономастики было нехарактерно формирование названий, происходящих от фамилий, что лишнее раз опровергает представления об оппозиции 1923 года как «троцкистской оппозиции». В итоге партийное меньшинство было обвинено в «мелкобуржуазном уклоне». Основой для этого послужила в том числе и «махаевщина» в низах – антиинтеллигентские настроения, согласно которым оппозиция выражала «классово чуждые» интересы.

Таким образом, внимание к вопросам культуры, авторитет Троцкого и поддержка оппозиции партийной интеллигенцией не привели в итоге к формированию позитивного образа оппозиции, что содействовало её краху.

В четвертом параграфе рассматривается борьба оппозиции за большинство голосов на партийных собраниях. Масштабы реализации «внутрипартийной демократии» – свободы слова и партийных выборов – изначально ограничивались антипарламентскими и прямо авторитарными настроениями среди коммунистов. Оппозиционеры стремились убедить однопартийцев в «нормальности» перманентных дискуссий и обновлении партийного аппарата. Идеи сторонники обновления, однако, оширились не только на конформистские настроения низов или непонимание ими сути дебатов, но и на их скептическое отношение к борьбе верхов за власть. Кроме того, сторонники ЦК делали акцент на «фракционности» оппозиционеров. Организованные выступления, и, тем более, требование пропорционального представительства в выборных органах, могли восприниматься сквозь призму беспринципной «борьбы за портфели» и «буржуазного» парламентаризма. Изначально оппозиционеры были меньшинством партии, не имеющим доступа к ресурсам партийного аппарата. При этом они смогли увлечь за собой весомую часть рядовых партийцев Москвы, но потерпели неудачу в подавляющем большинстве провинциальных парторганизаций.

В пятом параграфе исследуются две формы неформальной политической коммуникации – слухи и использование «секретных документов». Переписка Троцкого с

центральными парторганами и «Заявление сорока шести», несмотря на их «секретность», конспиративно распространялись среди членов партии и порой открыто цитировались в ходе дискуссионных собраний обеими сторонами. Менее задокументированную, но более важную роль играли слухи. Их распространение нередко осуждалось в связке с распространением «секретных документов», т.к. недоступность информации порождала альтернативные каналы её производства и потребления (хотя партийные наказания за слухи были мягче). Трансляция слухов была «орудием слабых» и не случайно, что они по преимуществу касались положения Троцкого. Не только партийные органы, но и ОГПУ, стремились контролировать эти неформальные практики, однако представляется, что однопартийцы стремились избежать конфликтов на почве доносительства.

Шестой параграф посвящен стратегиям оппозиционеров в ситуациях конфликта. Традиционно конфликт является центральной и наиболее общей характеристикой истории внутривнутрипартийной борьбы, в то время как механика конфликтов на микроуровне остается в тени. В своём «конфликтном поведении» оппозиционеры, как правило, руководствовались прагматизмом, а не аффектами, регулируя границы «конфликтности» в соответствии с общими установками оппозиции на реформирование внутривнутрипартийного режима. Несмотря на свое негативное отношение к контрольным комиссиям, они подавали заявления на других членов партии или, в особых случаях, на своих бывших товарищей, если те нарушали основные устои «партийного права». Местные контрольные комиссии могли исключить оппозиционеров из партии, но центральный «партийный суд» восстанавливал абсолютное большинство из них, увеличивая политический авторитет сторонников ЦК.

Третья глава затрагивает региональные особенности внутривнутрипартийной борьбы и их репрезентации.

В первом параграфе исследуется практика репрезентации уровня поддержки оппозиции на страницах партийной печати и в выступлениях оппозиционеров, а также предпринимается попытка оценить реальное соотношение сил. Конфликт вокруг газеты «Правда», основного источника информации для партии в целом, стал одним из центральных из-за резкой смены редакционной политики. Удалив сторонников Троцкого из своего состава, редакция целенаправленно формировала представления об изначальной ничтожности поддержки оппозиции как в регионах, так и в Москве, заранее «подводя итоги» борьбы. Эта стратегия выражалась не только в общей тональности статей, но и в технических деталях компоновки информации на страницах газеты: выделении заголовков, примечаниях редакции, пропорциях публикуемых резолюций и т.д. Политическая топография осуществлялась «Правдой» с акцентом на классовые объекты

(«рабочие», «мелкобуржуазные» и т.д.), но вместе с тем на их воображаемой «карте» отсутствовали конкретные данные географии поддержки оппозиции. Практически не заботясь о репрезентации своих успехов, оппозиционеры нечасто оспаривали «карты» своих оппонентов. Несмотря на их громкое возмущение политикой «Правды», они разделяли то же классовое видение социального пространства.

Во втором параграфе содержится детальная реконструкция внутрипартийной борьбы в крупном провинциальном центре – Перми. В 1920-1922 гг. в пермской парторганизации доминировала, до разгрома её силами ЦК и ОГПУ, одна из самых левых оппозиционных групп во главе с Г. И. Мясниковым. В конце 1923 г. Пермь потеряла губернский статус, став одним из многих округов Уральской области. Эти два фактора определили региональные особенности местной оппозиции. В Перми оппозиция была возглавлена молодыми работниками партийного агитпропа, не имевшими связей с заводской средой, хорошо помнившей популярных радикалов. Дискуссии в партийных верхах не были такими острыми, как в Москве, но общие результаты оппозиции формально продемонстрировали высокий уровень поддержки оппозиции – около 40 % по городу в целом. Приняв поражение, оппозиционеры не поддержали отдельные оппозиционные выступления заводских коммунистов. Секретарь пермского окружкома заверил ЦК, что оппозиция «ручная», объяснив её успех «случайностями».

В третьем параграфе рассматривается единственный случай временной победы оппозиционеров в борьбе за право формирования руководящих органов. Уровень поддержки оппозиции в столичной парторганизации был довольно высоким, но лишь в Хамовническом районе, где преобладали партийные ячейки служащих, студентов и военных, ей удалось получить большинство. В отличие от своих оппонентов, оппозиционеры обеспечили пропорциональное представительство в районном комитете и его исполнительной комиссии (бюро) сторонникам ЦК, хотя последние не прекращали борьбу с оппозиционной «фракцией». Осуждение оппозиции январской общепартийной конференцией, смерть Ленина и кампания «ленинского призыва» рабочих в партию, а также опасения наказаний со стороны контрольных комиссий, склоняли общественное мнение к поддержке ЦК. Уже через полтора месяца после «взятия власти» секретарь райкома подал в отставку, обосновав своё решение деятельностью сторонников ЦК в райкоме и решениями МК и ЦК РКП(б) по «переброске» видных членов райкома-оппозиционеров и наказания их «партийным судом».

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Оппозиция как определенное понятие, во многом абстрактное, существовала вне

зависимости от её основателей и лидеров, будучи постоянно (пере)конструируемой всеми игроками в ходе сложных политических процессов, поэтому для участников событий её образ был зыбким, подчас фантомным и неуловимым. В определенном смысле, существовало две оппозиции – оппозиция вождей (или «верхов» партии) и оппозиция масс (или «низов» партии), образы которых в ходе политического процесса тесно переплетались, продуцируя новые политические образы и действия.

Оппозиция «верхов» представляла собой группу единомышленников, объединенную общей программой реформирования внутрипартийного режима и хозяйственной политики; эта была коалиция вчерашних оппонентов, разгромленных в ходе предшествовавшей внутрипартийной борьбы, не фракция, но «идейная группировка». Именно формат временных «идейных группировок», открыто защищавшихся Преображенским, виделся элементом «демократического» внутрипартийного устройства многими оппозиционерами из «верхов» (и в гораздо меньшей степени – для «низов»).

В политическом отношении оппозиция в РКП(б) представляла собой гетерогенную по составу и неформальную по организованности группу сторонников реформирования внутрипартийного режима в соответствии с представлениями о демократическом централизме. Беря во внимание экономическую программу оппозиции, тем более уместно называть оппозицию левой.

Более сложной представляется природа оппозиции «низов». Она включала и рабочего с московского завода, и «красного» студента, воспитанного в условиях гражданской войны, и самых разнообразных партийных руководителей в провинции, очутившихся на вторых ролях вследствие «перебросок» из центра. Специфика их оппозиционности состояла в том, что все они делали выбор в ситуации неопределенности и запутанной информационной картины: даже для московского пролетария, избалованного вниманием со стороны партийных «верхов», было сложно решить, допустимо ли стороннику Троцкого поддерживать Сапронова и/или Преображенского. В провинции, как правило, единственным источником информации были партийные газеты и местное руководство партийных комитетов. От поведения аппаратчиков во многом и зависела сама возможность открытого проявления оппозиционности.

Оппозиция не могла быть везде одной и той же, её разнообразие не укладывается в чрезмерно «социологические» или узко институциональные рамки. Оппозиция *в широком смысле* представляла собой внутрипартийную тенденцию, сторонников которой ситуационно объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка более решительной «демократизации» внутрипартийного режима. В отличие от

конкретной оппозиционной группы, ассоциируемой в первую очередь с Троцким, Преображенским, Сапроновым и другими, отдельные оппозиционеры могли не иметь ни четких представлений о программе оппозиции, ни организационных связей.

Роль письменных выступлений Троцкого во внутрипартийной борьбе сложно переоценить, но огромную роль изначально играли такие лидеры оппозиции, как Преображенский, Сапронов и др. Исследование также позволяет сделать вывод о том, что в историографии было уделено недостаточное внимание роли Зиновьева и Каменева, которые в отличие от Сталина ежедневно участвовали в партийных дискуссиях.

Политическая идентичность и, что важнее, самоидентификация оппозиционеров в полной мере отражала диффузный характер их политического «тела». Даже само по себе нейтральное понятие «оппозиции» вызывало отторжение большинства её действительных приверженцев. Их индивидуальные стратегии «использования» понятия – игнорирования, отрицания, обращения против оппонентов и принятия – практиковались без видимой координации. Политическая ономастика внутрипартийной борьбы 1923 года была бедна на имена собственные: как «зиновьевцы» и «сталинцы», так и «троцкисты», «сапроновцы» и «преображеневцы» в публичном дискурсе встречались довольно редко – и никогда в качестве самоименования. Таким образом, оппозиция не была «троцкистской», но «троцкизм» становился элементом отдельных оппозиционных выступлений.

Модели поведения оппозиционеров в ситуации конфликта также позволяют сделать вывод о гетерогенности состава оппозиции, в частности, по степени радикализма. Конкретные политические условия и прагматизм определяли «конфликтность» оппозиционеров. В 1924 году контрольные органы были готовы идти на компромисс с «заблудшими» товарищами. Возможно, именно сочетание репрессивных и воспитательных методов позволило нейтрализовать основную массу рядовых сторонников оппозиции и обеспечить легкий разгром Троцкого в ходе «литературной дискуссии» в ноябре-декабре 1924 года.

История внутрипартийной борьбы в пермской парторганизации ярко проиллюстрировала тот факт, что в большинстве случаев как «верхи», так и «низы» оппозиции капитулировали сразу после неудачи завоевании большинства партийцев, даже если уровень поддержки оппозиции, как в Перми (около 40% голосов), был довольно высоким. Оппозиционеры крайне редко шли против господствующих представлений о «единстве партии» и «железной дисциплины», согласно которым решения партийных конференций были обязательны к исполнению. События в Хамовническом райкоме Москвы, единственном, в котором оппозиция получила большинство по результатам партийных конференций в январе 1924 года, показательны, в первую очередь,

готовностью оппозиции сдерживать свои обещания пропорционального представительства в выборных органах. Оппозиционеры попытались на деле доказать свою приверженность идеалам «демократического централизма», причем именно оппозиционная группа, имя которой происходило от этого понятия, смогла добиться хоть и временного, но зримого успеха.

Информация об успехах оппозиции, степени ее поддержки в тех или иных партийных организациях, являлась не просто «дефицитным», но и «контрафактным» товаром на политическом «рынке». Как показало исследование конфликта вокруг редакции газеты «Правда» и политики её редакции, представления об удельном весе оппозиции конструировались в основном сторонниками большинства ЦК, целенаправленно и умело манипулировавшими информацией о ходе внутрипартийной борьбы. Наоборот, «воображаемые карты» оппозиционных лидеров были немногочисленны, неполны и неубедительны, служившими в этом отношении репрезентациями их собственной пространственной и политической разобщенности.

Циркуляция взаимосвязанных «секретных документов» и слухов служила альтернативным каналом политической коммуникации, подрывая информационную монополию большинства ЦК. Конспиративный характер распространения «запрещенных» к распространению писем и заявлений, в которой сторонники ЦК и следователи контрольных органов видели улики «фракционности», не позволяет в полной мере выявить приемы и масштабы информационных технологий оппозиции. Уверенно можно предположить, что сотни, если не тысячи, московских оппозиционеров, в особенности студентов, были вовлечены в подобные практики. Конфликты вокруг «непроверенной информации», бывшей, как справедливо отмечали оппозиционеры, обратной стороной «секретности», являлись предметом обсуждения на многих дискуссионных собраниях.

Следует констатировать, что выступления оппозиционеров чаще всего не находили понимания среди рядовых коммунистов, т.к. редко увязывались с конкретными локальными проблемами или напоминали «склоку» высокопоставленных бюрократов. Политическая коммуникация имела закрытый от общества характер, что было парадоксально на фоне активности в партии в ходе дискуссии.

Одна и та же риторика могла использоваться обеими сторонами в своих утилитарных целях. Важнее то, что политическая коммуникация стала функцией насыщенной политической борьбы, в которой, в зависимости от ситуации, большую роль играли элементы демократии обсуждения, предполагавшей публичное совместное целенаправленное обсуждение ключевых вопросов, ориентированное на практический результат. При этом своеобразная «политэкономика времени» большевиков накладывала

дисциплинарные рамки на протяженность и глубину дискуссий. «Тройка» и ее сторонники почувствовали необходимость легитимировать свою аппаратную победу над оппозицией перед широкой партийной аудиторией. Конечно, это не значит, что победа ЦК была одержана «честно» и «демократически», но вместе с тем следует отбросить представления о всеисилии нарождающегося партаппарата и полной индифферентности рядовых членов партии. Оппозиционеры проиграли по таким правилам политической игры», как мобилизация поддержки «низов», контроль над печатью, репрезентация собственных успехов и охват регионов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, реферируемых ВАК РФ.

1. Конфликтовать и контролировать: к изучению практик политической борьбы оппозиции в РКП(б) в 1923-1924 гг. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Выпуск 1(24). С. 175-185. (1 п.л.)
2. К истории «троцкистской» оппозиции «низов»: случай петроградских студентов-коммунистов, 1923-1924 годы // Власть. 2014. № 5. С. 149-152 (0.4 п.л.)
3. Оппозиция 1923 года в РКП(б) по материалам Перми // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Выпуск 2(16). С. 109-119. (0.7 п.л.)

В других изданиях:

4. Быт или не быт? Лев Троцкий, политика и культура в 1920-е годы // Неприкосновенный запас. 2013. № 90. С. 88-106.
5. Социальный протест и политическая борьба в большевистской партии в 1923-1924 гг. / Пути России. Историзация социального опыта / Том XVIII. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 324-332.
6. «Правда», воображение и власть: политическое картографирование внутрипартийной оппозиции 1923 года // The NEP Era: Soviet Russia, 1921-1928. Vol. 6, 2012. Pp. 27-54.
7. Рабочие и «рабочая демократия»: Борьба в РКП(б) на рубеже 1923–1924 годов // Конструирова «советское»? Доклады научной конференции студентов и аспирантов, Санкт-Петербург 14–15 апреля 2011 года (Bulletin. ДНМ; 6). М.: РОССПЭН, 2012. С. 36-52.
8. Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923-1924 годы. М.: Свободное марксистское издательство, 2010.

Резник Александр Валерьевич

Левая оппозиция в РКП(б) в 1923-1924 гг.

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Заказное. Подписано в печать 21.05.2014 г. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. п. л. 1,8. Тираж 100 экз. Заказ № 327.